

благъ Господь, чтобы не чувствовалъ иногда движеній сей радости духовной? Такъ наприм. когда вы у ногъ Иисуса Христа слагали съ себя бремя вашей совѣсти; то не испытывали ли вы --внутри себя нѣкотораго удовольствія, несравненно болѣе пріятнаго и сладостнаго, нежели ложное веселіе и жалкое удовольствіе коими вы наслаждались, удовлетворяя какой-либо вашей страсти? Когда желая соединиться съ Иисусомъ Христомъ, приближались вы къ священной трапезѣ, то не находили-ли въ этотъ день въ вашихъ молитвахъ, въ словѣ Божіемъ, въ благочестивомъ чтеніи особенной пріятности, нѣкотораго чувства благоговѣнія, приводившаго васъ иногда въ умиленіе, даже-- въ слезы? Или когда, бывъ подвержены сильному искушенію вы имѣли счастье, съ помощію благодати, побѣдить его, и когда духъ искушитель оставлялъ вашу душу въ покоѣ; то, вмѣсто угрызеній совѣсти, кои терзали-бы васъ, если-бы вы впали во искушеніе, не чувствовали-ли вы тогда чистой радости, которая умножила, притомъ, вашу любовь и преданность къ Иисусу Христу?

Таковы-то, брат., моя возлюбленныя, дары и драгоценныя плоды сего Духа, Который есть въ одно и тоже время свѣтъ, сила, сладость и утѣшеніе для душъ его пріемлющихъ. Безъ сего свѣта мы были-бы во тьмѣ и ничего-бы не знали, безъ сей силы мы не могли-бы сдѣлать ни одной добродѣтели; а лишеныя сего Божественнаго утѣшенія, чтобы мы не предпринимали, за что ни брались-бы, безпокойство, скорбь, угрызения совѣсти—минутно нарушали-бы покой нашей жизни.

Да благословятъ-же Господа тѣ изъ насъ, кои обрѣтаютъ въ себѣ слѣды Духа Божія, и да не угашаютъ Его (Сол. 5, 19)—дѣлами Ему противными! Иначе весь міръ имъ не замѣнитъ сей потери. Да исполняются симъ Духомъ, пока есть время, и тѣ изъ насъ, кои сквернами духа своего и тѣла разобщили себя съ Нимъ. Пусть надъ всѣми вами, какъ надъ помазанными Божіими, носится Огнь вышнїи, наставляя на велику истину и правду, утѣшаетъ насъ въ скорбяхъ сей жизни. Аминь. Г. Е. А.

СЛАВЯНО-РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ И ПРАВОСЛАВІЕ.

(Продолженіе) (*).

Ни одинъ народъ въ Европѣ, кажется, неспособенъ столько къ ученію въ духѣ мира, любви и истины Евангельской, какъ русскій. *На все воля Божія, Богъ все строитъ къ лучшему; Богъ лучше нашего знаетъ,*

(*) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. №№ 1, 2, 19, 23 24, 26, 32 и 33. 1879 г.

что какъ нужно; скорби, какъ горькія лекарства, полезны и необходимы для христіанина; терпи и покоряйся воля Божіей; если мы не простимъ обидѣвшихъ, то и Богъ не проститъ насъ. Вотъ тѣ самыя простыя элементарныя положенія, которыя искони ободряли и утѣшали русскаго человѣка среди трудностей жизненнаго пути... Гуманизмъ, освѣщенный высшимъ свѣтомъ евангельской любви. — въ крови русскаго человѣка: „не помысли зломъ на татарина, не обидь бусурманина“, говоритъ русская народная былина, послѣ того какъ бусурманинъ былъ его вѣковымъ обидчикомъ. Сочувствіе къ страждущему, къ больному, къ нуждающемуся въ сочувствіи и помощи — всегдашнее свойство русскаго неспорченного характера. Онъ всегда готовъ благотворить беззавѣтно, безвозвратно, по евангельски — не зная и не желая знать того, кому онъ благотворитъ. Ни къ туркамъ, ни къ ихъ пріятелямъ — англичанамъ, мы и теперь не питаемъ ненависти:

„Мы русскіе! Пусть-же злодѣямъ пощаду
Даруетъ святая любовь!
Не надо намъ мести, не надо намъ крови,
Не надо намъ крови враговъ!“
О. Лепко.

Да, ненависть къ кому-либо хоть изъ западныхъ немислима въ нашемъ добромъ православномъ народѣ. Вспомнимъ, какъ народъ нашъ относился къ несчастіямъ Франціи во франко-прусскую войну. А вѣдь французы такъ много зла сдѣлали ему (напр. въ 1811—12—13 гг. и въ Крымск. комп.). Вопреки гуманизму русскаго, французъ все любитъ относить къ настоящей минутѣ, къ политикѣ, которая для него всего важнѣе; онъ смотритъ на нее со стороны прикладной. Нѣмецъ возносится надъ существенностью, паритъ въ царствѣ идей, и отвлекается въ безконечность. Русскій, судя по тѣмъ краткимъ и слабымъ опытамъ, кои мы доселѣ имѣемъ въ цѣлыхъ сочиненіяхъ, по нѣкоторымъ пріемамъ въ журнальныхъ статьяхъ, судя по сочиненіямъ и мыслямъ, которыя наиболѣе правятся въ публикѣ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не удерживается ни какимъ подобнымъ предубѣжденіемъ и пристрастіемъ. У насъ нѣтъ также особливыхъ любимыхъ наукъ, какъ у французовъ — естественныя и математическія, у пѣмцевъ — философія; мы, по возможности, занимаемся всеми одинаково. — Эта общность примѣнима во всѣхъ явленіяхъ нашей жизни. Взгляните на составъ русскаго народа: какой крови

въ насъ нѣтъ? Славянская, нормандская, монгольская, финская, литовская, вѣмецкая. Взгляните на русскій языкъ—греческая гармонія, латинская округленность, французская ясность, англійская крѣпость; и ни одинъ народъ не можетъ учиться на иностранныхъ языкахъ съ такимъ успѣхомъ какъ русскій, который говорить на всѣхъ, какъ на отечественномъ. Взгляните на русское лице: вы найдете черты всѣхъ Европейскихъ народовъ. „Русскій народъ, говоритъ А. С. Стурдза, представляетъ счастливое соединеніе генія Азіатскаго съ Европейскимъ. Отъ перваго заимствовалъ онъ покорность властямъ и какую-то величавую преданность судьбамъ Божиимъ, возвышенную православіемъ; отъ послѣдняго—дѣятельность въ торговлѣ и промышленности и способность къ нимъ, угадывающую требованія утонченной роскоши, которой самъ онъ непричастенъ“...(*) А наша терпимость, наша свобода переходить изъ званія въ званіе, наша доступность праву? имѣть здѣсь также свое значеніе. Религіозность и общность—отличительныя, характеристическія черты русскаго народа!

Да идутъ-же русскіе, православные, по прекрасной стезѣ истиннаго, проникнутаго духомъ православія, просвѣщенія, неуклоняясь отъ своихъ заветныхъ, священныхъ предметовъ (какъ то мы видимъ въ другихъ странахъ и, къ сожалѣнію, въ нашемъ, такъ называемомъ, „великосвѣтскомъ расколѣ“), ни какими иными, для которыхъ есть въ государствѣ другіе люди и нужны другія способности; да стремятся они сообщить себѣ свой народный характеръ и списать тѣмъ уваженіе отъ ученаго міра, особенно міра иноземнаго, иновѣрнаго! Сила, долженствующая дать человѣческому развитію его безусловное содержаніе, можетъ быть только откровеніемъ высшаго божественнаго міра, и тѣ люди, тотъ народъ, черезъ который эта сила имѣетъ проявиться, должны быть только *посредникомъ* между человѣчествомъ и тѣмъ міромъ, свободнымъ, сознательнымъ орудіемъ послѣдняго. Такой народъ не долженъ имѣть никакой спеціальной ограниченной задачи, онъ не призванъ работать надъ формами и элементами человѣческаго существованія, а только сообщить живую душу, дать жизнь и цѣлость разорванному и омертвѣлому человѣчеству чрезъ соединеніе его съ вѣчнымъ божественнымъ началомъ.. Такой народъ не нуждается ни въ какихъ спеціальныхъ силахъ и вѣншихъ дарованіяхъ, ибо онъ дѣйствуетъ не отъ себя, осуществляетъ не свое. Отъ народа—носителя сей Божественной силы требуется только свобода отъ всякой

(*) См. Русск. Архив. за 1877 г. стр. 324.

ограниченности и односторонности, возвышеніе надъ узкими спеціальными интересами, требуется, чтобъ опъ не утверждалъ себя съ исключительной эпертійей въ какой нибудь низшей сферѣ дѣятельности и знанія, требуется равнодущіе къ мелкимъ интересамъ это й жизни, всецѣлая вѣра въ положительную дѣйствительность высшего міра и покорное къ нему отношеніе. А эти свойства несомнѣнно принадлежатъ племенному характеру Славянства, въ особенности-же національному характеру русскаго народа... Незавидное положеніе Россіи въ экономическомъ и другихъ отношеніяхъ не только не можетъ служить возраженіемъ противъ ея призванія, но скорѣе подтверждаетъ его. Ибо та высшая сила, которую русскій народъ долженъ провести въ челоѡчество, есть сила не отъ міра сего, и вѣншее богатство и порядокъ относительно ея не имѣють ни какого значенія. Великое историческое призваніе Россіи, отъ котораго только получаютъ значеніе и ея ближайшія задачи, есть призваніе религиозное въ высшемъ смыслѣ этого слова. Когда воля и умъ людей вступаютъ въ дѣйствительное общеніе съ вѣчно и истинно существующимъ, тогда только получаютъ свое положительное значеніе и цѣну всѣ частныя формы и элементы жизни и знанія—всѣ они будутъ необходимыми органами или посредствами одного живаго цѣлаго. Ихъ противорѣчіе и жажда, основанная на исключительномъ самоутвержденіи каждаго, необходимо исчезнетъ, какъ только всѣ вмѣстѣ свободно подчинятся одному общему началу и средоточію. (*).

Когда наступитъ часъ обнаруженія для Россіи ея историческаго призванія, никто не можетъ сказать, но все показываетъ, что часъ этотъ близокъ, даже несмотря на то, что въ русскомъ обществѣ не существуетъ почти дѣйствительнаго сознанія своей высшей задачи. Но великія вѣншія событія обыкновенно предшествуютъ великимъ пробужденіямъ общественнаго сознанія. Такъ даже крымская война, совершенно бесплодная въ политическомъ отношеніи, сильно однако повліяла на сознаніе нашего общества. Отрицательному результату этой войны соотвѣтствовалъ и отрицательный характеръ пробужденнаго ею сознанія. Должно надѣяться, что и протекшая война, за освобожденіе (турецкихъ) христіанъ, послужитъ могущественнымъ толчкомъ для пробужденія *положительнаго сознанія* русскаго народа... Уже и теперь, по милости Божіей, видимъ мы людей, принадлежащихъ къ числу самыхъ просвѣщенныхъ умовъ, и самыхъ твердыхъ характеровъ, которые совершенно не-

(*) Выдержк. изъ процитов. выше рѣчи профес. Соловьева.

ремѣняютъ свой образъ мыслей единственно отъ того, что безпристрастно и глубоко обращаютъ свое вниманіе внутрь себя и своего отечества, изучая въ немъ тѣ основныя начала, изъ которыхъ сложилась особенность русскаго быта, въ себѣ открывая тѣ существенныя стороны духа, которыя не находили себѣ ни мѣста, ни пищи въ западномъ развитіи ума. Трудясь такъ, мы, дѣйствительно, докажемъ этимъ гордымъ нѣмцамъ, этимъ французамъ, англичанамъ, что сами уже умѣемъ мыслить, что мы и сами можемъ идти впередъ по пути прогресса и цивилизаціи. Впрочемъ, говоря такимъ образомъ мы не намѣрены вовсе прервать всякія связи съ образованностію Запада. Это уже слишкомъ поздно, да притомъ такой разрывъ едва-ли не будетъ сопровождаться большимъ вредомъ, чѣмъ тотъ вредъ, который происходитъ отъ сближенія съ Западомъ. „Одно достовѣрно и несомнѣнно, говоритъ одинъ русскій писатель, глубоко изучившій характеръ западной образованности и ея отношеніе къ нашему просвѣщенію,—одно достовѣрно и несомнѣнно, что тотъ вредъ, который чуждая образованность производитъ въ умственномъ и нравственномъ развитіи русскаго народа, не можетъ быть устраненъ насильственнымъ удаленіемъ отъ этой образованности, или отъ ея источника европейской науки. Ибо, во первыхъ, это удаленіе невозможно. Ни какіе карантинныя остановки мысли и только могутъ придать ей силу и замаскированность тайны. Во вторыхъ, если-бы и возможно было остановить входъ новыхъ мыслей, то это было-бы еще вреднѣе для русской образованности, ибо въ Россіи движется уже такъ много прежде вошедшихъ понятій Запада, что новыя могли-бы только ослабить вредъ прежнихъ, разлагая, разъясняя и доводя до своего отвлеченнаго основанія, съ которыми вмѣстѣ должны они или упасть, или остаться. Ибо, въ настоящее время, все развитіе европейскаго ума, сознаясь, разлагается до своего послѣдняго начала, которое само сознаетъ свою неудовлетворительность. Между тѣмъ какъ, оставаясь не конечными и не сознанными, но только требующими приложенія и воплощенія, прежнія понятія Запада могли быть тѣмъ важнѣе въ Россіи, что лишились-бы своего противодействія въ собственномъ развитіи. Если-бы не узнала Россія Шеллинга и Гегеля, то какъ уничтожилось-бы господство Вольтера и энциклопедистовъ надъ русскою образованностію? Но, наконецъ, если-бы даже и возможно было совершенно изгнать западную образованность изъ Россіи, то кратковременное невѣжество подвергло-бы ее опять сильнѣйшему вліянію чужаго просвѣщенія. Россія опять воротилась-бы къ той эпохи Петровскаго преобразова-

нія, когда введеніе всего западнаго, только потому, что оно не русское, почиталось уже благомъ для Россіи, ибо влекло за собою образованность. И что-же вышло-бы изъ этого? Всѣ плоды полуторасталѣтнаго ученичества Россіи были-бы уничтожены для того, чтобы ей снова пачать тотъ-же курсъ ученія...“ (*). И такъ дѣло совсѣмъ не въ томъ, чтобы проповѣдывать о прекращеніи всѣхъ связей съ западною образованностію и, когда насъ никто не слушаетъ, или не обращаетъ вниманія, — тѣшиться заornoю бранью всего западнаго, безъ разбора — доброе-ли то или худое. Такой безразсудный антагонизмъ возбуждаетъ только упорство въ расположенности къ Западу, упрямство въ силѣ увлеченія. Напротивъ, если мы желаемъ истиннаго просвѣщенія Россіи, если мы надѣемся, что она должна продолжить дѣло общечеловѣческой образованности, должна строить науку, какъ мы и указывали выше, на новыхъ православныхъ и народныхъ началахъ, если мы сознаемъ, что отворачиваться отъ западной науки намъ уже нельзя и что будущая наша образованность должна возникнуть изъ усвоенія началъ западныхъ и подчиненія ихъ началамъ православнымъ и народнымъ; если, наконецъ, мы вѣруемъ, что спасительная вѣра освящаетъ и спасаетъ *всею мя человека*, слѣдовательно и мой разумъ, и его, данныя-же Богомъ, стремленія къ любомудрію, — что „свободное развитіе естественныхъ законовъ православно-мыслящаго разума не можетъ быть вредно для вѣры“, напротивъ благотвительно для вѣрующихъ, — въ такомъ случаѣ мы должны заботиться не о расторженіи связей съ Западомъ, — а о спокойномъ и основательномъ изученіи его просвѣщенія. Самобытная Россія не бѣдна въ средствахъ къ развитію силъ ума народнаго и къ освобожденію его отъ эгоистическихъ помочей чужеземныхъ, кои въ сущности яро для него, любящаго просторъ; она, предѣлами обширна, климатами разнообразна, землями плодородна, духомъ народнымъ доблественна и языкомъ славна. Тоже почти можно сказать и о прочихъ славянахъ...

„Славнице! Сладкій благородный звукъ!

Все намъ благи дали небеса,
 Чтобъ стали мы со всей Европой рядомъ.
 Овиньте только земли наши взглядомъ:
 Чего тамъ нѣтъ: обиліе, краса;

(*) Соч. Нв. Вас. Кирѣевск. Т. II, стр. 330—331.

Сребро и злато; пышнымъ вертоградомъ
Глядитъ намъ полдень; всюду чудеса;
А по веселымъ весямъ и по градамъ
Гремятъ поэтовъ вѣщихъ голоса

Высокіе, божественные звуки!

Лишь дайте намъ согласье (вѣры) да науки —
Взойдетъ другое солнце въ небесахъ
И все предъ нимъ повернется во прахъ!“

Я. Коллора.

(Продолженіе будетъ).

Свящ. Константинъ Добросердовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ магазинѣ наследниковъ Конурина

получены большой выборъ парчи золотой, серебряной и мишурной и принадлежности къ оной: газы, кресты, бахрама, кисти и проч.; готовыя облаченія для священниковъ и діаконовъ изъ серебряной бархатной и мишурной парчи. Цѣны облаченіямъ слѣдующія: риза священническая изъ бархатной серебряной парчи съ епитрахилью, набедренникомъ, поручами и поясомъ 88 р., діаконоскій стихарь изъ такой же парчи 76 р., риза изъ мишурной парчи съ принадлежностями 30 р., діаконоскій стихарь 25 р. Получены также готовыя пелены шалейныя, воздухи, епитрахили, набедренники, пояса и поручи, которыя могутъ быть проданы — каждое — особо.

5—5.

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣлъ оффиціальнѣй: Разныя извѣстія: Об отправленіи на ревизію Пресвященнѣйшаго Герасима. Опредѣленіе, утвержденіе въ должностяхъ, и проч. Журналы засѣданій XIII Астраханскаго епархіальнаго съѣзда духовенства (продолженіе). **Отдѣлъ неоффиціальнѣй:** Слово въ день священнаго помазанія Государя Императора Александра Николаевича, 2) Славяно-Русская цивилизація (продолженіе), 3) Объявленіе.

Редакторъ Я. Лебединскій.